

Предисловие

Бой на любки – это разновидность рукопашного или кулачного боя. Разновидность не в смысле какой-то особой школы, какие, к примеру, существовали в китайском Ушу, а в значении неких правил или, что вернее, отношения к противнику. Тот же самый боец мог с врагом драться не на жизнь, а на смерть, либо, если убивать было запрещено, на зверки. Со своим же он бился щадящее, полюбовно, не увеча.

В середине девятнадцатого века Владимир Иванович Даль отмечает такое отношение, приводя определение кулачного боя: *«Кулачки, кулачный бой, драка кулаками, для забавы, из молодечества, английский бокс»*.

Кулачный бой, что явствует из этого определения, мог идти для забавы, из молодечества. Так было в Англии, так было и в России. Иностранцы путешественники, вроде Сигизмунда Герберштейна, отмечали это в своих записках неоднократно. В летописях же наших древность обычая оказывается незапамятной. Это неоднократно отмечали и исследователи русской старины.

В 1848 году один из первых русских собирателей А. Терещенко в знаменитом труде «Быт русского народа» писал: *«Кулачный бой. Это древняя забава наших русских удалцов. Идти на кулачный бой это значило потешиться или провести праздник в полном разгуле, что представляло собой род военного упражнения, которое приучало молодых людей к смертоносной битве...»*

Кулачная потеха известна на Руси с древнейших времен. Наши летописцы говорили о ней еще в начале XIII века с какой-то восторженностью. Великий киевский князь Мстислав III и князь псковский Владимир, ободряя перед

битвой своих союзников, новгородцев и смоленцев, к храброму отражению великого князя Юрия Всеволодовича, предоставили им на выбор сразиться или на конях, или пешими.

Новгородцы отвечали: «Мы не хотим на конях, но сразимся по примеру наших предков пешими и на кулаках». Впоследствии кулачный бой сделался забавой нашего народа» (Терещенко А. В. История культуры русского народа. Москва: ЭКСМО, 2007. С. 408-410.).

Как видим, для тринадцатого века эта забава уходит в обычаи предков. Впервые она поминается в «Повести временных лет» под 1068 годом. Там бои названы игрищами и сказано, что в них участвовали скоморохи с трубами и гусями. Эта же связь кулачного боя со зрелищем подчеркивается и Забылиным в вышедшем в 1880 году большом исследовании русского народного быта «Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия»:

«Борьба и кулачный бой составляли издавна любимую народную потеху, преимущественно на сырной неделе, чему, между прочим, может быть способствовали морозы и случай погреться; эти гимнастические упражнения назывались играми или игрищами. Часто в старину кулачными боями любовались Цари и Князья наши» (Забылин, Русский народ, М.: 1880, с. 42).

Добавить к этому могу только то, что самые важные спортивные соревнования современности точно так же называются играми, только Олимпийскими...

Рукопашный бой мог идти жестко, даже жестоко, но чаще шел по щадящим правилам. По крайней мере, так проходили бои в сельской местности, где они велись по обычаю. Общее название для такого ведения боя было: на любки. Этнографы зафиксировали и иные названия для такого подхода

к бою. М.Г. Матлин приводит их в статье «Кулачные бои в Сурском районе Ульяновской области». Это этнографические сборы рубежа третьего тысячелетия:

«В Сурском районе Ульяновской области еще до недавнего прошлого были широко распространены кулачные бои. Наиболее типичное название действия было кулачки. Из других слов и словосочетаний, получивших терминологическое значение, удалось зафиксировать такие: драться стенка на стенку..., любачка, любака, по любви драться, драться полюбовье, коренная драка» (Матлин М.Г. Кулачные бои...// Живая старина, 4 за 2001, с. 17).

В стенке тоже дрались по правилам, и правила эти были любошные. Но все же любки, любачка, полюбовье – это особый вид боя, чаще один на один. И Матлин это особо отмечает:

«Персональный бой, один на один, называется в данном регионе любачка, любака, по Любви драться, драться полюбовье» (там же, с.18). Точно так же выделялись любки как особый вид праздничного боя и на Владимирщине, что никак не отменяло и общего правила биться на любки в стенке. О полюбовных правилах боя так или иначе писали многие, но, вероятно, наиболее полно они были описаны Г.И. Фоминым в статье «Кулачные бои в Воронежской губернии», опубликованной в 1925 году в «Известиях Воронежского краеведческого общества».

«Как и испанский бой быков, французская и швейцарская борьба, американский и английский бокс, русский кулачный бой имеет свои правила, установленные самой жизнью, бытом. Кулачники идут в бой обязательно безоружными, с одними только кулаками. Никаких кастетов или гирек, зажатых в кулак для увеличения его веса, не полагается.

Бить можно куда попало и как попало – в лицо, в голову, в грудь, в бока, но если противник получил, наконец,

такой удар, от которого свалился с ног, то его уже не бьют, потому что это, все-таки, спорт, а не драка и никто здесь ни на кого не должен иметь злобы или, как говорят сами кулачники, «сердца».

В кулачном бою бьют не по злобе, а любя кулачный бой, и если одному противнику удалось свалить на землю ударом другого, он как спортсмен-кулачник удовлетворен, он победитель, и ему уже совершенно нет цели бить противника еще и далее лежащего на земле. Это правило кулачного боя настолько популярно, что оно вошло уже в поговорку: «лежащего не бьют».

Когда говорят о русских кулачных боях, как о какой-то исключительной некультурности русского мужика, мне всегда вспоминается аналогичный спорт Запада: французская борьба, английский бокс и т.д. и слишком большой разницы между этими видами спорта и нашими кулачными боями я не вижу, такой разницы, которая соответствовала бы разнице в культуре и цивилизации этих народов и нашей деревни.

Французская борьба имеет целый ряд правил, устанавливая правильные и неправильные приемы, но я лично видел не раз кровь на арене цирка во время французской борьбы. Я видел как известный своими железными грифами и мертвыми поясами борец Моор сломал два ребра грузному борцу Ступину, поймав его во время борьбы на совершенно правильный пояс.

Летом 1924 года в Воронежском саду французская борьба закончилась для одного из бойцов смертью. Он умер сейчас же после борьбы от разрыва сердца.

И все это случалось и случается при совершенно дозволенных приемах. Какая же разница? Только в словах. У французов «двойной нельсон», «тур-де-тет», «тур-де-бра», «крават», а у нас – «заехать по мусалам», «дать под микитки», «свернуть салазки», а результат один и тот же и для «культурных» французов и для невежественных русских...»

(Фомин Г.И. Кулачные бои... Известия Воронежского краеведческого общества, 1925, №6).

Описаний стеношных боев сохранилось довольно много, как сохранились и имена лучших кулачных бойцов России, начиная с восемнадцатого века. Но вот описаний поединков любошников почти нет. Этот утонченный вид боя требовал понимания, а его у бар, которые наблюдали бои со стороны, не было. Производило впечатление то, что потрясало – зрелище мятущейся в схватке толпы в несколько тысяч человек, либо подвиги силы беспримерной. Утонченное владение боевым искусством требовало ценителя, который бы сам что-то понимал в боевых искусствах.

Одно из редких свидетельств того, как же вели бой любошники, приводится в восемнадцатом веке Ф.В.Берхгольцем в его дневнике:

«Люди для забавы выходят на кулачки, так медленны и умеют делать такие прыжки... Бойцы, когда бьют разом и руками и ногами, готовы, кажется, съесть один другого... а все-таки остаются лучшими друзьями, когда дело кончено... подобным упражнениям они приучаются с юных лет... Мы видели такие бои и между самыми маленькими ребятами...» (Дневник Ф.В.Берхгольца (1699-1765). Цит. по: Грунтовский А. Русский кулачный бой. СПб, 1993, с.141-2).

Странная медленность в бою, невозможные прыжки, удары руками и ногами, - это все признаки любошного боя. В рукопаши чаще всего не допускались удары ногами, поскольку это считалось унижением, то есть опусканием в сакральный «низ». Так били только врагов. В Любках можно все, потому что это во многом зрелище, подобное святочным играм ряженных или райку.

Здесь сами условия праздничного развлечения обращают мир с ног на голову, как во время Святков, и отменяют

обычные обрядовые запреты. Искусность любошника не в том, чтобы опередить противника или сразить его могучим ударом, а в том, чтобы обыграть честно, на виду, поэтому многие удары и приемы исполняются подчеркнуто медленно, чтобы противник мог к ним подготовиться и выстоять. В Любках никто никого не обманывают, здесь идет почестный бой только на мастерстве. Тем почетнее победа...

Я познакомился с Любками в середине восьмидесятых прошлого века в Савинском районе Ивановской области. Но обучаться по-настоящему начал лишь в 1989 году у мастера, которого старики, у которых я вел этнографические сборы, звали Поханей. Он жил в Ковровском районе Владимирской области в одной из деревень между Всегодичами и Большаковым.

Поханя ушел зимой 1991-92 года. Поздней осенью, в последнюю поездку к нему, я получил разрешение рассказывать о любках и обучать им. Можно сказать, выцыганил у Похани и его жены тети Кати. Без этого разрешения я даже рассказывать о них не решался из уважения к просьбам стариков.

Надо сказать, что все мазыки – потомки живших на Владимирщине, то есть на территории Владимирской и Ивановской областей, офеней, к которым принадлежал и Поханя, – не любили себя выставлять на обозрение и жили довольно скрытно. Поханя прямо показывал мне на своих родственниках и говорил: «Ты уж помалкивай, затравят». Не меня, так их... Поэтому, когда я пытался заговаривать с мазыками о том, что люди должны знать их науку, мне каждый раз отвечали: «Почуйся пока. Всё равно расскажешь не о том». И Поханя отвечал так же, пока не пришло его время уходить. И лишь осенью 1991 года и он, и тетя Катя, сдались и сказали мне: «Ладно, вы теперь сами умные, знаете, как жить правильно. Делай, что хочешь!»

Так я получил разрешение рассказывать людям о любках, а заодно и о Хитрой мазыкской науке, как называли они те знания, что хранили с древности, и благодаря которым считались в своих деревнях доками. И немножко колдунами.

На самом деле Хитрая наука оказалась почти целиком самопознанием. Хотя и не без чародейства. И в любках это необходимо учитывать, потому что в бою это важно.

Возможно, и это надо сказать изначально, никаких любков как какого-то обрядового вида боя не было. Было желание старых бойцов потешить народ на праздники своим мастерством и было искусство боя не на жизнь, а на смерть, похоже, идущее еще от пластунов. Тут, правда, надо сделать замечание.

Сейчас, с легкой руки украинских националистов, понятие пластуны почему-то стало связываться исключительно с украинским казачеством. Лично у меня в этом большие сомнения, поскольку в той местности, где я жил, то есть в Ивановской области, никаких украинских казаков отродясь не было. Стояли, правда, перед революцией астраханские казачьи части, сдерживали разбушевавшихся пролетариев.

Но вот понятия «пластун», «ползать по-пластунски» и даже «пластаться», то есть драться жестоко, и «пластаться» – идти скрытно, стелиться над землей, – были общераспространенными. И Поханя говорил, что его учили деды, которые были пластунами, то есть разведчиками в Первую мировую. К тому же, не надо забывать, что эта земля была когда-то сердцевиной Ростово-Суздальского, а позже Владимирского, великих княжеств, где воинское искусство было очень высоким, как это показывают летописи.

Поэтому у меня есть сильное подозрение, что словом «пластун» называли еще в глубокой древности разведчиков при русском войске. Но вот выжило оно только на окраинах

России, в беглой казачьей среде. В России же ушло с приходом неметчины в восемнадцатом веке, когда русские слова стали заменяться на иностранные термины.

И уж точно, говоря о своих дедах как о пластунах, Поханя не имел в виду казаков. Даже если корни и общие, это значит, что последние века слово «пластун» имело независимое бытование как на Украине, так и в России. И в него вкладывались разные значения.

В любом случае, Поханя говорил о бое на смерть, как о том искусстве, которое передавали ему его собственные деды-пластуны, то есть войсковые разведчики. И сам он отслужил Вторую мировую войну разведчиком. Кажется, батальонным. Но это я забыл. Хотя помню удивительные рассказы про пластунов и про его собственные походы за линию фронта.

Так вот, никаких любков, как особого вида единоборств, как школы, кажется, не было. Был бой не на жизнь, а на смерть, была рукопашь, как называл рукопашную Поханя. И были стеношные бои между ватагами из разных местностей. И именно как вожак одной из ватаг Поханя и получил свое прозвище. Означает оно отца – Похана – или главу ватаги. Поханю подпоясали Поханей ещё в тридцатых годах. Подпоясывали вязанными праздничными вожжами. А в девяносто первом году он слазил к себе на чердак и достал оттуда такие же для меня. Не подпоясывал, потому что не было у меня ни ватаги, ни мастерства...

Но сказал: «На, время придет, сам подпояшешься».

Я так и не рискнул это сделать, поскольку не ощущаю себя мастером боевых искусств, да и ватагу так и не создал. Но когда я подпоясывал настычей – так назывались на языке мазыков наставники молодежи – мне приходилось брать на себя ответственность похани. И эта книга, пожалуй, тоже не меньшая ответственность...

Не было школы любков, как не было школы зверков или школы «бой на смерть». Дрались на смерть, на зверки и на любки. Про рукопашь я намерен написать особо*.

Что такое бой на смерть, объяснять не стоит. Бой на зверки – это то, что мы сейчас знаем, как спортивные состязания, когда победить нужно любой ценой в рамках правил. Бой купца Калашникова тоже велся на зверки, почему его и наказывают за убийство противника. Он нарушил правила.

А вот бой на любки – это, как я уже говорил, бой между своими без повреждений. И я до сих пор помню, как в детстве мы обязательно договаривались перед дракой, как деремся. Мы обговаривали, бьем ли под дых, ставим ли подножки и даже бьем ли в лицо. А вот старшие могли договариваться просто одним словом: на любки.

На любки дрались в стенку два конца одной деревни. С соседними деревнями дрались на зверки, а то и смертным боем. Можно ли говорить, что была школа стеношного боя? Называли ли стеношники своё искусство школой? Конечно, нет. И это не значит, что такой школы в действительности не было. Это искусство было, только оно не осознавалось так, как это привнесли нам восточные единоборства. Просто каждый деревенский парень должен был уметь драться в стенке. И учился этому с детства.

И так же каждый стеношник должен был уметь драться на любки. По крайней мере, там, где у русского мужика еще не утратилось осознание себя принадлежащим к единому крестьянскому миру. При этом, участие в стенках было почти что обязательным для молодежи, но мужики отходили от них с возрастом. А вот в любках могли повозиться до глубокой

* В 2011 году вышла книга А.Шевцова «Начальный курс Рукопашии», Иваново: Издательское Товарищество «Роца Академии», 2011. - 192 с.

старости, выпуская молодецкую удаль там, где просто драка была уже недопустима.

На любки дрались на свадьбах и на сельских праздниках. Тоже не всегда. Но вот шутейное: «Свадьба! А драку заказывали?» – из того самого времени обрядовых драк, когда битва эта была необходима, чтобы очистился мир. Как битва между добром и злом на Святки, как битва между Зимой и Весной на Масленицу.

Любошники дрались на праздниках так, чтобы потешить толпу. Любошные драки велись внутри многих плясок, вроде Владимирского «Ворыхана» или Курского «Тимони». Обе эти пляски уходят корнями в глубокую древность и явно связаны с подражанием звериным, в частности, птичьим движениям. В них ворыхан – тетерев-самец – отбивает самочек у соперников. Бой здесь обязателен, но это бой за любовь, а не против врага. Чуть увлекся противником, и ты потерял цель, ты занят другим самцом, а твою любимую уже увели...

Дрались на любки и в очистительных целях, чтобы обновить мир. Люди собирались на гулянье, и вот посреди толпы обнаруживались зачинщики будущей драки, которые начинали со сложных и хорошо узнаваемых всеми присутствующими кобений. Выкобениваться – слово до сих пор живое в нашей местности. Мало кто может объяснить, что оно значит, но зато все мгновенно узнают, что делает человек.

Сейчас пьяное выкобенивание бессмысленно, а еще век назад люди знали, зачем оно. В древности же глубина понятия была еще большей, потому что любошные кобенья уходят корнями к летописным кобям, известным на Руси с самой начальной ее поры, насколько только хватает памяти народа.

Драка на любки – это, конечно, бой, но это и не совсем бой. Это какое-то скоморошье искусство, призванное развлечь и повеселить праздную толпу. Любошники, они же кобенщики, должны быть искусны и в слове, и в бою.

Настолько искусны, что толпа должна стоять замороженной. Как вы понимаете, чтобы набить морду пьяному хаму, нужно не больше искусства, чем для того, чтобы получить от него в морду. А вот чтобы удерживать внимание людей на длинной драке, как на театральном зрелище, боем надо владеть как искусством. Такой бой, как говорили мазыки, пришел им по наследству от скоморохов. И я верю этому, потому что сам больше пятнадцати лет развлекал людей такими потешными боями. И развлекал без нареканий...

Не думаю, что любошники при этом смогут выступать на соревнованиях лучше тех, кто прямо готовит себя для соревнований. Все-таки боевые искусства требуют выбрать и посвятить себя чему-то определенному. Но любки вполне могут рассматриваться как класс спортивного совершенствования для бойцов, поскольку сохранили множество утонченных знаний о человеке и боевой схватке. Хотя лично я склонен рассматривать любки все же как оздоровительную гимнастику, вроде китайского Тайцзи.

Это мягкая школа, мягкая по своей сути – деремся-то на любки.

От любков лишь один шаг до боя не на жизнь, а на смерть. Собственно, знания-то о том, как сражаться, одни и те же. Но нужно принять решение, для чего сделать выбор. Любки направлены в жизнь, любки – часть обрядов, несущих плодородие. Они – для использования внутри общины.

Если у кого-то появится желание использовать любошные знания для спортивного применения или для применения воинского, ему придется не просто изучать приемы, но и пересматривать само мировоззрение любков.

Впрочем, те же люди ходили на врага, и как Поханя, возвращались с войны без единой царапины...

Рисунок 1. Кулачные бои. Семик (Лубок, конец 17 – начало 18 в.)

ЧАСТЬ I

МИРОВОЗЗРЕНИЕ
ЛЮБКОВ

Раздел первый. Русский бой на Любки

Глава 1. Что такое любки?

Думаю, вернее было бы назвать эту главу: как я понимаю любки.

Честно признаюсь, я до сих пор не уверен, что понимаю их до конца верно. Я многократно пересматривал свое понимание, вдруг осознавая, что я подходил к ним поверхностно. Когда я впервые познакомился с Поханей, а это было в 1985 году в гостях у моего первого мазыкского учителя, я вообще воспринял его с внутренней ухмылкой.

Старик, который меня с ним познакомил, сказал про Поханю, что он боец и однажды будет меня учить драться. Я к тому времени имел за плечами школу бокса, самбо и карате. тому же, чем особенно гордился, очень много дрался на улице. Жизнь у меня складывалась так, что мне не удавалось много выступать на соревнованиях, и я добирал своё в уличных драках. А уж там я дрался и с мастерами спорта, и в толпе, и потому плохо верил, что кто-то может меня удивить. И уж тем более, не девяностолетний старичок, хотя Поханя выглядел лет на шестьдесят... К тому же, как историк по образованию, как этнограф, в то время еще не отказавшийся от научного подхода, я сильно сомневался, что в знакомых мне с детства местах, куда я ездил на свои сборы, можно было найти какое-то настоящее искусство боя.

И вот в 1989 году я приехал к Похане после того, как побывал уже у нескольких старых мазыков, учивших меня и очищению, и науке думать, и даже повивальному искусству. Приехал, уже приняв, что мой жизненный путь – это самопо-

знание. Но при этом ещё нисколько не сомневаясь в себе как в хорошем уличном бойце, который знает, как надо драться в настоящей драке. Как говорится, на уровне рефлексов. И вот дедушка мне говорит:

– Ты боец. Но ты не воин. Ты обязательно проиграешь. Бойцы обязательно проигрывают однажды...

Я слушаю его и вообще не понимаю! Именно так: я вдруг ловлю себя на том, что совсем не понимаю его. Но я был уже не тот, что ухмылялся внутренне пять лет назад. За эти годы я повидал разного и понял: меня отправили к Похане после всей остальной учебы не случайно, не потому, что он был самым молодым. Каким-то образом любки должны доточить то, что я взял у остальных...

И я пытаюсь его понять, я делаю усилие. И не понимаю, как будто у меня совсем нет образов, чтобы понять, о чем он говорит.

Я, конечно, не хамил и не наглел, я старался быть предельно вежественным. Но я все равно пытался разобраться и задавал вопросы. И попытался объяснить себя:

– Как проиграю? Я же держу себя в форме, я немножко тренируюсь, поддерживаю навыки. Конечно, многое уходит, но для своего возраста я неплохо держусь. Я бы еще вполне мог выступать...

– Полно, – отвечает мне Поханя, – ты не о том. Ты пытаешься брать силой. Все бойцы пытаются побеждать силой, скоростью, молодостью. И пока они сильны, они стараются набрать как можно больше побед. А потом, когда они стареют, им предъявляют. Все их победы – это долги, которые придется платить... Не людям, так собственному здоровью, или кому-то ещё...

Оп-па! Вот тут я приплыл, как говорится...

Мысль, в каком-то смысле, беспорная, но и в той же мере бессмысленная, потому что другого не дано.

– И что же делать? – спрашиваю я, внутренне ощущая, что победил его этим вопросом. – Жизнь так устроена.

– Это не жизнь, это ты так устроен. Ты говорил о самопознании? Вот, прими себя.

Всё еще не видя никакого просвета, просто ощущая, что меня обыграли на словах, я продолжаю барахтаться, чтобы добиться хоть какого-то смысла:

– А разве можно иначе?

И тут он мне отвечает будто из древней китайской книги:

– Старые люди учили, что в молодости надо драться так же, как ты будешь драться в самой глубокой старости. Если ты победишь так, то ты победишь навсегда, потому что противник не сможет дождаться, когда твое тело ослабнет...

Глава 2. Любки и мировоззрение

Собственно любков, как некой самостоятельной школы, не было. Просто иногда мужики предлагали друг другу: давай повозимся на любки. И каким-то образом понимали, что есть любки, до какой границы этот бой идет ещё на любки, а где он уже вышел за свои рамки. Иными словами, вроде бы никто не говорил об особом виде единоборств, но при этом все имели очень точное понятие, что есть любки, и прекрасно разграничивали их с другими видами боевых искусств.

Просто любки шире всех остальных видов единоборств и вообще боевых искусств. На любки можно биться на кулачки, можно бороться, даже в стенку можно ходить любошно. В стенке или уличной драке могли не допускаться удары ногами, но в любках ноги работают. Возможно потому, что любки позволяли отрабатывать и то, что нужно в бою на смерть. В обычном же бою удар ногой считался не просто унижительным, а опускающим. Очевидно, не в современном блатном смысле,

а в смысле древнем – опускающим в нижние миры, поскольку нога у человека – это его Мифологический Низ. Блатные лишь заимствовали эти понятия из мифологического мировоззрения наших предков. И сохранили просто как жесткое правило, которое не объясняется. Ноги – это Низ человека, ударить ногой, значит, отправить противника в те миры, из которых нет возврата. Даже через возрождение. Это допустимо только со смертельным врагом, с чужим, который, вероятней всего, нелюдь.

Так считало обычное мировоззрение. Так это сохранялось в народе. Но в любках работали и ногами. Просто потому, что на любки. Правда, ноги в любках никогда не подымались высоко. Конечно, возможны удары в любую часть тела, но основная работа ведется не выше бедер. Я спросил Поханю, почему так, и он ответил:

– Чтобы я всегда мог оставаться собой. Даже в старости.

Действительно, это все то же самое, о чем я рассказывал в первой главе – уже сейчас надо работать так, как позволит тебе твое тело, постарев. И в этом есть какая-то потрясающая меня верность самому себе. Даже мое тело не заставит меня изменить себе, я всегда такой, каким решил быть. И никогда не предам себя. Значит, вообще, не предам...

Вот чем отличается воин от бойца. Все бойцы воспитывают в себе хитрецов, и потому предают. И все школы боевых искусств переполнены болью от предательств. Это даже как-то стало привычным, что все такие школы вечно погружены в обиды и разборки из-за предательств. И при этом почему-то не видят, что предательства эти заложены в самые основы их мировоззрения, того мировоззрения, которое сами они вкладывают в своих бойцов, воспитывая их готовыми отдать все за победу.

Почему никто не видит эту странность?

Наверное, собственное мировоззрение тех, кто возмущается предательствами своих бойцов, не дает им видеть, что это их собственная слабость...

Любков не было, но мы все же используем это название. Почему? Потому что мы не просто бьемся на любки в кулачных боях или боремся. Мы поставили себе задачей понять само мировоззрение любошного боя. Без мировоззрения это будут приемы, и это будет лишняя боль.

Но чтобы понять мировоззрение любошного боя, надо понять то, как видели мир люди, дравшиеся на любки. Надо понять своих предков. А это не просто, потому что за последние века мы стали совсем другими людьми. Человек звучит гордо только у писателей. А в действительности, он то, что делает из нас общество.

Общество изменилось, изменились и люди. Изменились настолько, что стали совсем другими существами. Как если бы мы в детстве попали к волкам и были воспитаны ими, мы обладали бы волчьим видением мира. Это общеизвестно. Так и попав в общество, мы оказываемся Маугли каменных джунглей. Человек – это обозначение того, что делает с чистой душой общество. Но душа эта могла развиваться множеством разных путей.

Вот и те собиратели, что сегодня пытаются этнографически изучать русский бой, сами являются современными людьми и невольно искажают изучаемое.

В самом начале изучения любков, около девяносто первого года, я пытался найти в России тех, кто тоже возродил русские боевые искусства. Тогда еще действовал запрет рассказывать о любках и мазыках. Но я помню, как я ездил в Москву, потому что мне сказали, что там какие-то парни работают в «русском стиле». Я бы рассказал им тогда о Похане, и показал все, что знал. Просто не выдержал бы и проболтался.

Но когда я встретился с первым же из них, он сказал, что их школа называется «Система», и я захлопнулся...

Русский бой не мог называться этим иностранным словом. Я все же ходил к нему домой, где они с товарищем показывали мне работу с цепью. Мне понравилось. Но чем больше я с ними общался, тем отчетливей я осознавал, что это все же не совсем русские люди, это люди современные, цивилизованные. Просто они очень одарены, они думают, ищут, наверное, помнят какие-то корни. Но они направлены в то, чтобы завоевывать себе место в этом мире.

Я смог встретиться с ними еще раз лишь в девяносто втором году, и мои подозрения полностью подтвердились: это были прекрасные бойцы, но у них было совсем иное мировоззрение.

Потом же я встречался с бойцами из Петербурга, Твери, Кадочниковым. Они были гораздо ближе к действительным народным корням, но почему-то с ними тоже было очень сложно. Почему? Наверное, именно из-за того, что они бойцы, из-за разницы в мировоззрении... Впрочем, мировоззрения меняются. И сейчас я ощущаю, что мне стало гораздо проще общаться с теми же людьми. Они стали старше и мудрее. Это понятно. Но главное, стал старше и изменился я сам. И ведь что удивительно: я сам и отпустил бойца в себе!

Конечно, они были бойцами. Но и я тогда был бойцом. Я только помнил Поханю, был переполнен образами, в которых пытался его понять, но я оставался бойцом. И потому, сталкиваясь с другими школами, я постоянно видел то, что было иным, не таким, как я ожидал. И плохо видел то, что было у нас общим. Ради чего можно было все простить и все позволить...

Я только помнил Поханю, но я не жил в его мировоззрении. Я даже умер как учитель любков в двухтысячном году, когда меня предали мои ученики. Так мне казалось.

Я преподавал под именем Алексей Андреев – сменить имя на прозвище меня заставил еще мой первый мазыкский

учитель, поскольку так было принято. Все они имели прозвища и скрывали настоящие имена. Думаю, это было связано еще с магическими воззрениями, требующими скрывать имя, чтобы злые духи не нашли тебя. Что-то вроде знаменитой хитрости Одиссея, называющего себя ослепленному Полифему Никто. Как вы помните, остальные великаны перестают преследовать Одиссея, услышав, что их брата Никто ослеплял.

Подобные рассказы есть и в русских сказках. Отсюда и «погоняла», то есть прозвища у блатных. Переходя в иной мир, ты должен взять иное имя. Любки были островком древнего мировоззрения внутри нашего мира. И я взял себе иное имя – Алексей, к которому добавил фамилию Андреев, когда начал печататься.

Но когда меня предали, я почти пережил клиническую смерть и спасся только тем, что умерла моя личность, именно личность Андреева.

Вместе с Андреевым умерла изрядная часть моего мировоззрения, умер мой боец.

После смерти Андреева я стал гораздо меньше заниматься собственно движением в любках. Я почти не преподаю их. Но зато я очень много занимался мировоззрением. Я даже выпустил несколько больших книг, посвященных и тому, что давали мне старики, и вообще своему понятию мировоззрения. В сущности, больше всего я старался освободиться от того, что крепче всего въелось в сознание современного человека – от естественнонаучного мировоззрения.

Это не значит, что я освободился от научности. Нет, я пытался понять, как в меня вошло то, что вытеснило мировоззрение моих предков, и сделало невозможным понять любки. Кстати, вошло оно всего полтора века назад, и вошло как политическая мода, приведшая к революции...

Иными словами, когда сейчас мастер боевых искусств объясняет своим ученикам внутреннее содержание своего учения, говоря об энергии, он просто поддерживает этим власть

тех, кто нами правит. Чисто политически, даже не научно! Не было никаких энергий в русском языке, и человек – это не ёмкость и не конденсатор. И как говорил мой первый учитель, у которого было прозвище Дока: не завозили!

Дело в том, что, когда я к нему пришел, от всей деревни уже оставалось только четыре дома. И продукты к ним возили на крытом фургоне из села. И вот когда я его спрашивал что-то вроде:

– А с энергией работали? Энергия была?

Он каждый раз отвечал мне, примерно, так:

– Энергия? Не знаю. Не завозили.

Не было ни в русском языке, ни в русском мировоззрении, ни в сознании русского мужика никакой энергии. Было то, что было. Но пока в наших головах торчат «энергии», свято место занято, и нам нечем понять, что же было на самом деле. От таких сорняков надо освобождаться.

Вот этим я и занимался последние десять лет, чтобы высвободить место для действительного понимания того, что называю любками. Чтобы понять любки, надо понять мировоззрение, в котором наши предки их создали. Но как его понять, если оно ушло?!

И все же, за те годы, что я преподавал любки, я сумел трижды сменить свое мировоззрение, и каждый раз обновленным умом понимал: я стал ближе к источнику.

Хотя до него еще так далеко!..

Глава 3. Самопознание

Меня иногда спрашивают: а как обрести любошное мировоззрение? Честно говоря, мне трудно отвечать на этот вопрос.

Я брал любки по прямой передаче, и все же много раз обнаруживал себя видящим мир иначе, чем мои учителя. По-

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
ЧАСТЬ I. МИРОВОЗЗРЕНИЕ ЛЮБКОВ	
Раздел первый. Русский бой на любки	15
Глава 1. Что такое любки	17
Глава 2. Любки и мировоззрение.....	19
Глава 3. Самопознание.....	24
Глава 4. Побеждать навсегда.....	28
Глава 5. Любки земные.....	31
Раздел второй. Самопознание для самосовершенствования	35
Глава 1. Разум	37
Глава 2. Стих	42
Глава 3. Мышление	47
Глава 4. Мастерство	52
Глава 5. Понятие движения	57
Глава 6. Устойчивость	61
Глава 7. Упругость	67
Глава 8. Удар	71
Заключение	78
Раздел третий. Искусство боя	80
Глава 1. Основы воинского мировоззрения	83
Глава 2. Осмысленность	85
Глава 3. Обучение	88
Глава 4. Ядро схватки	90
Глава 5. Околица	91
Глава 6. Схватка	98
Глава 7. Поединок	102
Глава 8. Бой, битва, война и любки.....	105
ЧАСТЬ II. ПОЕДИНОК	
Глава 1. Лёгкий бой	112
Глава 2. Позволение	115

Глава 3. Ломки	120
Глава 4. Отбор силы	129
Глава 5. Борьба	133
Глава 6. Бой руками	139
Глава 7. Смоления	145
Глава 8. Бой ногами	151
Глава 9. Сучения	155
Глава 10. Бой с чужим	160
Глава 11. Бой со своим	164
ЧАСТЬ III. СКРЫТЫЙ СОСТАВ ЧЕЛОВЕКА	167
Глава 1. Зримый состав	170
Глава 2. Душевные движения	174
Глава 3. Перовой состав	177
Глава 4. Мостоши	180
Глава 5. Созерцание мостошей	185
Глава 6. Мостоши сознания	190
Глава 7. Плотности и пустоты	193
Глава 8. Сила	197
Глава 9. Лухта	202
Заключение	203
ВОРОТА В ЧУДО	207
ПРИЛОЖЕНИЕ	215
От редакции	217
Исповедь	218
Введение в Любки	227
Часть первая. Общие понятия	229
Часть вторая. Любки и Кресение	250
Часть третья. Упражнения	261
Список литературы.....	283